
Н.Р. Добрушина

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В КУЛЬТУРЕ ГОРНОГО ДАГЕСТАНА: ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ

Статья поступила
в редакцию
в июле 2008 г.

В течение многих десятилетий советская школа была не только и не столько инструментом образования, сколько способом формирования новой культурной общности. Арчинцы — малый народ (около 1200 человек), живущий в высокогорном селении Центрального Дагестана и до последнего времени сохранявший свою языковую и культурную изолированность. Интервью с арчинцами, записанные в ходе полевой работы в селении, показали, что советская школа, открытая в Арчибе в начале 1930-х годов, явилась одним из основных каналов влияния на традиционную культуру. Школа стала зоной присутствия в Арчибе «старшего брата», поскольку в течение продолжительного периода школьный коллектив состоял исключительно из представителей социально более успешных этносов. Отношение арчинцев к собственной идентичности и языку, положение женщины, традиционная одежда и религиозный уклад подверглись значительному воздействию со стороны школы. Однако же, отстав на пути к инновациям от соседних этносов на 30–40 лет, арчинцы сохранили этническое единство и язык и сегодня являют собой редкий пример успешного выживания малого народа.

Аннотация

XX в. открыл внешнему миру многие культуры, существовавшие изолированно в течение столетий. Есть разные каналы влияния на традиционную культуру, однако одним из самых мощных всегда была школа, воздействовавшая на наиболее восприимчивую часть населения — на детей.

Арчинцы, проживающие в высокогорной части Центрального Дагестана, говорят на собственном языке, отличающем их от всех соседей. Арчинский язык принадлежит к лезгинской группе дагестанских языков, т.е. не является близким родственником языков соседей — аварцев и лакцев.

На сегодняшний день насчитывается около 1200 носителей арчинского языка, компактно проживающих в нескольких селениях,

которые представляют собой единое социальное и экономическое сообщество¹. Арчинцы многоязычны: подавляющее большинство владеет аварским и русским языками, некоторые представители старшего поколения говорят также на лакском. Арчинский язык не имеет письменности и не преподается в школе: на уроках родного языка арчинцы учат аварский.

Мало контактировавшие с внешним миром в силу географической удаленности и языкового и культурного своеобразия, арчинцы начали расставаться с традиционным укладом жизни относительно недавно. Когда и каким образом стали проникать инновации в жизнь арчинского сообщества? Какие элементы жизни арчинцев оказались в наибольшей степени подвержены изменениям? Какие социальные группы стали проводниками инноваций? На эти вопросы мы попытались найти ответ, проведя полевое исследование в Арчибе в 2007 г.² Основным источником информации являются беседы с жителями Арчиба. Мы также записали интервью с пожилым учителем-аварцем, работавшим в арчинской школе, с русской учительницей, проработавшей в Арчибе 16 лет, и с сорокалетним жителем соседнего лакского селения Шалиб.

1. Первые годы советской школы

По нашему предположению, основным каналом инновационных изменений в Арчибе послужила школа. Школа в Арчибе, как и в окрестных селах, начала функционировать в начале 1930-х годов. Установить точную дату оказалось проблематично, поскольку первые годы школа не имела своего помещения и ученики собирались в частных домах. На вопрос о том, когда была открыта школа, арчинцы называют 1936 г. — год постройки школьного здания. Однако, по-видимому, учеба началась уже с 1932 г., причем обучались как дети (арчинцы 1924–1925 г.р. утверждают, что начали учиться в 7–8 лет), так и взрослые (наиболее пожилая из опрошенных нами женщин — 1916 г.р. — сказала, что ходила в школу, когда ей было 20 лет).

Дети в те годы учились 7 лет, а для взрослых образование ограничивалось несколькими месяцами, в течение которых их обучали писать по-аварски: *«Мать сказала... даже ночью занятия проходили, чтобы грамотные были»*³ (Г., арчинка, 1941 г.р.). Грамотность в этом случае, по-видимому, сводилась к способности подписаться — написать свое имя. С. (арчинка, 1916 г.р.), прошедшая короткий школьный курс, в интервью сказала, что писать училась, но все забыла, поскольку в жизни ей «писание не пригодилось».

¹ Шесть поселений, в которых проживают арчинцы, административно объединены в один аул, имеющий официальное название Арчиб. В научной традиции, восходящей в конце XIX в. [5], аул принято называть Арчи, язык — арчинским.

² Следует сообщить, что основные задачи поездки автора в Арчиб лежали в области лингвистики и социолингвистики. Исследование, предпринятое для написания этой статьи, явилось своего рода побочным продуктом многолетней работы в Арчибе.

³ Здесь и далее речь арчинцев передается практически без изменений в целях сохранения лингвистических особенностей арчинского варианта русского языка.

Отметим также, что в 1936–1937 гг. арчинцев учили писать по-аварски, используя латинский алфавит, затем письменность была переведена на кириллицу.

В 1930-е годы, когда в Арчибе появилась школа, среди местного населения не было людей, имевших даже среднее образование. Поэтому подавляющее большинство учителей приехали в Арчиб из соседних аварских сел, а также из единственного в районе лакского села Шалиб. По-видимому, с самых первых лет в Арчибе были также русские учителя и учительницы. Среди немногочисленных арчинских учителей чаще других вспоминают Мусу Гарунова, который окончил специальные курсы для учителей (т.е. высшего образования не имел) и преподавал в младших классах. В годы острой нехватки учителей, например во время войны, привлечь к преподаванию в школе могли практически любого человека, отличавшегося сообразительностью и грамотного.

Многочисленные свидетельства говорят о том, что жители Арчиба были значительно более «отсталыми» (с точки зрения нового, советского образования), чем население окружающих сел: *«Вообще у них грамотные люди не были. А вот арабисты у них раньше сильные были»* (Х., аварец, 1940 г.р.). Жители сел, окружающих Арчиб, по крайней мере на 15 лет раньше начали получать высшее образование. Так, например, в 1950-е годы директором арчинской школы был лакец М.М. из села Шалиб, 1924 г.р. Он имел высшее образование. Между тем самые старшие арчинцы, закончившие вуз, родились в 1940 г.

Мы располагаем свидетельствами о быте арчинцев 1950-х годов, каким его увидела русская женщина, в двадцать лет приехавшая из Воронежской области по распределению работать в школу. Первый год своего пребывания в Дагестане она работала в Арчибе, следующий год — в близком к Арчибу аварском селении Дусрах. Дусрах показался ей значительно более «культурным»:

— А в Дусрахе школа как-то отличалась от арчинской?

— Ну, она была более культурной, мне кажется... там люди более культурные были.

— То есть жители? А это что значит — более культурной?

— Дома у них были на дома более похожи. И больше по-русски они говорили, и женщины там... Ну, Арчиб считался это самый-самый дикий и самый отдаленный. А там уже было больше культурных людей.

— Ну, а вот женщины, например, в Дусрахе — они по-другому были одеты?

— Чухту, как они не носили. Платок носили они уже. Платья не было... Юбок не было, у них платья такие, ну, платки у них были. Пальто у них уже было, одеяло у них было. А у этих не было, арчибцев, ни одеял, ничего не было (Н.Н., русская, 1930 г.р.).

Итак, в 1930–1960-е годы арчинцы имели в районе репутацию отсталого, необразованного народа.

2. Арчиб
1930–
1950-х годов

3. Школа и этнические ценности арчинцев

3.1. Отношения с аварскими и лакскими учителями

Неудивительно, что в этой ситуации аварские, лакские и русские школьные учителя, приезжавшие в Арчиб в 1930–1960-е годы, воспринимались арчинцами как представители новой культуры, которая в тот момент была им недоступна. Арчинцы рассказывают о глубоком уважении, которое они испытывали к приезжим учителям. Записано немало рассказов, свидетельствующих о строгости учителей (это касается аварцев и лакцев, но не русских учительниц) и страхе, который испытывали перед ними ученики.

— *А когда на уроках мы сидели...*

— *Как мертвые! На уроках. Если один туда-сюда шевелишь — убивали нас. Такое время, такие строгости.*

— *Били вас?*

— *Бить тоже, указки были, вот так сидели, учитель сразу туда на парту дошел этой указкой. Мы тоже как мертвые так сидели.*

— *Когда учитель видели, сейчас это самое... раньше если учитель рядом видишь, рядом не подходили на улице, издалека идем туда. А сейчас учитель как будто...*

— *То есть вы боялись учителей?*

— *Боялись и уважали так хорошо (Г., арчинец, 1941 г.р., и Г., арчинка, 1938 г.р.).*

Последняя характеристика отношения арчинцев к учителям повторяется из рассказа в рассказ: боялись и очень уважали. Более молодой К.К. (1951 г.р.), ставший впоследствии первым арчинским директором школы, позволяет себе чуть более критическую оценку ситуации: «*Наши уважали чужих людей. Уважали. Ну, были люди, которые чересчур уважали. Да. Чересчур*». При этом, впрочем, все арчинцы единодушны в высокой оценке учителей тех лет: все считают, что они имели хорошее образование и добросовестно выполняли свои обязанности.

— *Вот эти аварские учителя — они хорошие были?*

— *Конечно. У них животных не было. Хозяйства то есть. Они сюда приезжали без жен, без детей. Им было делать нечего. Они проводили дополнительные занятия. Сами тоже были подготовленные. Эрудированные были. Эрудированные, я бы сказал. И... мы тоже учились нормально.*

— *Вы их уважали.*

— *Слишком уважали. Они нас и били. Бывали стычки с родителями. Из-за того что нас бьют и так далее.*

— *Что, прямо сильно били?*

— *Конечно. Конечно. Плакали мы, бедные (К.К., арчинец, 1951 г.р.).*

3.2. Отношение к арчинской идентичности

Место арчинцев с точки зрения их социального статуса среди соседних этносов становится очевидным, когда они отвечают на вопрос об отношении к ним аварских учителей.

— *Как они [аварские учителя] вообще относились к арчинцам, к арчинскому языку?*

— *Пренебрежительно. Пренебрежительно. Свысока смотрели. Почему? Потому что все чабаны, колхозники, а руководство, сек-*

ретарь партийной администрации, глава администрации, как мы сейчас говорим, председатель колхоза — тоже чужие (К.К., арчинец, 1951 г.р.).

Таким образом, с открытием школы и появлением в селении аварских и лакских учителей в Арчиб, по-видимому, пришло сознание собственной отсталости и неразвитости. Об этом имеется много свидетельств как самих арчинцев, так и представителей других этносов.

— А вот в районе, в Цурибе, как относятся к арчинцам?

— Раньше, Нина, очень плохо относились. Потому что арчинцы были неграмотные, у них были алимьы — арабисты, но таких в советское время грамотных людей, таких, учителей, известных людей не было. Хотя раньше эти арабисты были очень грамотные. И относились очень плохо. Считали нас за этих — барашек. Которые ничего не умеют, ничего не знают [...] Ну, арчибцы — народ сами по себе неплохой, поэтому... они очень гостеприимные, очень такие человеческие люди. Их, видимо, и не знали... что за народ, и не считались, и язык совсем не такой — непонятный, и форма¹ такая, которой вообще в районе нету. И как вот за дикарей, наверное, вот так почти считали их (П., арчинка, 1946 г.р.).

Заметим, что именно этот — психологический — фактор, осознание своей относительной отсталости, часто становится импульсом к тому, что этнос начинает отказываться от традиционного образа жизни. Ориентация на носителей более высокого социального статуса, низкая оценка собственной культуры — мощный двигатель социальных изменений.

Хотя язык не был объектом осознанной политики властей, есть несомненные свидетельства того, что за годы советской школы отношение арчинцев к собственному языку подверглось испытаниям.

50–70-летние арчинцы сегодня нередко высказывают негативное отношение к своему языку, характеризуя его как бедный, неразвитый и не имеющий никаких перспектив в современном обществе [1].

— Нужна ли арчинцам письменность?

— Не нужна.

— Да?

— Не нужна. Эта нация не останется. Народность не останется. Перспективы никакой нету. Вы не чувствуете, что с каждым годом уже переселение началось, арчинцы растворятся. Ну, язык, наверное... самое большее через пятьдесят-сто лет это язык не останется. В Арчибе. Ну, наверное, мало-мало останется. Это письменность, Нина, вовсе не нужна письменность. Для чего это? Для чего? Газета не будет выходить, книги не будут выходить, так. Кто напишет книги — у нас нету ни писателей, ни поэтов, так... В Арчи-

3.3. Отношение к арчинскому языку

¹ «Форма» — слово, которым в арчинском варианте русского языка обозначается женская одежда.

бе государственный язык — русский язык, вот русский язык — нормально. Без арчибского языка можно обходиться.

— Не жалко будет, если арчинский язык исчезнет?

— А-а, не жалко будет (Д., арчинец, 1940 г.р.).

Только в том поколении, к которому принадлежит Д., нашлись респонденты, которые отрицательно отвечали на вопрос о том, любят ли они свой язык: *«Русский язык хороший есть. Арчинский плохой есть. Русский все понимают, арчинский никто не понимает»* (М., арчинка, 1937 г.р.).

Не повторяя того, что было сказано в других работах, резюмируем наши выводы. Негативное отношение к языку характерно для того поколения, которое прошло через стресс столкновения с «большим миром». Плохо владеющие языками более сильных соседей, одетые в традиционную одежду, не имеющие «нового» образования, они в детстве оказались в школе, где источником знания и власти были аварцы, лакцы и русские. Неудивительно, что в этот период у арчинцев сформировалось представление о собственных этничности и языке как о лишенных какой бы то ни было ценности.

Путем опроса арчинцев и преподававших им учителей мы попытались восстановить детали этого процесса. Прямого запрета на использование арчинского языка в школе не существовало, на переменах дети общались на родном языке. Однако в силу того, что учителя не владели арчинским языком, процесс обучения происходил на аварском и русском. При этом никто из опрошенных нами учителей выучить арчинский не пытался, несмотря на то что незнание его создавало очевидные трудности в процессе обучения.

Отношение учителей к арчинскому языку хорошо видно из интервью с пожилым аварским учителем, который дважды работал в арчинской школе: в 1970-х годах и в 1995–1997 гг. Он получил, таким образом, опыт работы в совершенно разных ситуациях: в 1970-е годы в арчинской школе еще почти не было местных учителей, ведущие позиции занимали аварцы и лакцы. В середине 1990-х годов он снова был приглашен в эту школу, директором которой был уже арчинец, его бывший ученик. Из разговора с ним проясняется политика школы 1970-х годов в отношении арчинского языка.

— А как вы преподавали? Вы на русском преподавали?

— Вот этих всех... К. [директор арчинской школы] придет, я скажу... Я как их... пахал, как я критиковал на педсовете о том, что они преподают на арчинском языке. Математику ни в коем случае...

— Ну и как же вы преподавали, на аварском?

— На русском, на русском, на русском.

— А русский они понимали?

— Отлично понимали. Меня понимали. Я им сказал, Нина, слушайте: неделю, только одну неделю терпите, не говорите на ар-

чибском ни одно слово, терпите одну неделю — следующую неделю вот так у вас пойдет. Проверка будет — знания покажут учащиеся. Вас не будут ругать. Вас не будут критиковать. Нетяжело, нетрудно. Вы даете много брак.

— Как вы считаете, нельзя по-арчински их учить?

— Нет, нельзя, категорично нельзя. Почему. Смотрите, сколько языков они изучают. Русский — раз, аварский — два, английский — три, арабский тоже. И еще арчибский тоже.

— Так нет, им же легче будет.

— Легче будет, а сколько там литературы надо, сколько методических надо, сколько учебников надо выпустить, сколько расходов надо будет! На одну школу это кто сделает? Кто сделает? Такой человек нету. Лучше было бы им... Мы, аварцы, когда там работали, отлично они знали аварский язык. Не хуже наших аварских детей. А теперь они стали работать. Раньше никто же у них учителем не был (Х., аварец, 1940 г.р.).

Таким образом, установка не использовать в школе арчинский язык и не развивать его функции возникла в те годы, когда учителями в арчинской школе были представители других этносов.

Характерная формулировка, описывающая отношение учителей к арчинскому языку, — «не интересовались».

— А другие аварские учителя, коллеги ваши, они тоже арчинского языка не знали, да?

— Только один человек знал.

— Кто-то был, кто знал?

— Ну, дети, которые... Учащиеся, которые вместе учились, они знали. Кое-кто понимал из учителей... Ну, полностью никто не знал. Не интересовались. Не интересовались (Х., аварец, 1940 г.р.).

— А вот эти аварцы, которые учили в Арчибе, они знали арчинский язык?

— Никто. Они кое-какие слова понимали. Кое-какие слова понимали. Но весь язык никто не знал. Они с собой брали детей, своих там родственников, братьев, они, конечно, дети с детьми, моментально учились нашему языку. Нашему языку. А чтобы учителя говорили на нашем языке — не говорили. И не интересовались (К.К., арчинец, 1951 г.р.).

Из этих двух интервью следует интересная модель языкового взаимодействия: арчинский язык осваивался в первую очередь детьми приехавших в Арчиб учителей.

Это подтверждается историей семьи русской учительницы Н.Н., которая родила в Арчибе трех детей. Сама она, прожив в Арчибе 16 лет, научилась немного понимать по-аварски, но ее знание арчинского ограничивалось отдельными словами:

— А почему арчинский вы не стали учить? Не надо было..?

— Не надо... Как-то не знаю, мне он не нужен был... не нужен он мне был...

— Значит, в школе вот когда вы урок вели, вы вели на аварском?

— На русском.

— И только какие-то слова...

— Это... спрашивала. Там отличники были... Как вот это пере-вести... помогали, сами дети помогали.

— А вы говорите, аварский стали вы немножко в какой-то момент...

— Ну, это... я уже понимала. Если обо мне кто-то что-то гово-рил, я уже все понимала, но высказывать не могла.

— Не говорили.

— Нет.

В то же время дети Н.Н. свободно владели арчинским языком (и могут говорить по-арчински до сих пор). Таким образом, статус арчинского языка был определен неосознанно, но жестко: это язык общения детей, но не людей высокого социального положения.

4. Школа и инновации в жизни женщин

4.1. Отношения с русскими учительницами

В 1930–1950-е годы русские учителя, как правило, были женщинами, что определяло их особое положение. Кроме того, русские не были вовлечены в административно-политическую жизнь района, они были чужаками, пришельцами из мира, непосредственных связей с которым у горного Дагестана не было. По всем свидетельствам, русские учителя жили в Арчибе весьма обособленно, мало включаясь в жизнь селения, почти не общаясь с местным населением.

— А вот эти русские учителя, учительницы, которые здесь были, — они тоже так пренебрежительно к арчинцам относились или нет?

— Нет, по-моему.

— Не помните такого, да?

— Нет. Пренебрежения никакого не было. Они свое дело дела-ли сто процентов, сто процентов. И... большого общения с нашими людьми у них не было [...] Они сами готовили, и поэтому особенно с нашими людьми контакта у них не было. Был, конечно, контакт насчет учебы детей, если обходы [посещения родителей] сделали и так далее (К.К., арчинец, 1951 г.р.).

Русская учительница, прожившая в Арчибе с 1950-х годов более пятнадцати лет, в своем рассказе о жизни среди арчинцев подчеркивает их неизменную приветливость и безотказную готовность помогать.

— И вот, было, зайдешь к ним кому-нибудь в гости, они стол накроют такой, что ты и не подумаешь. Только кушай, кушай, кушай.

— К учителям или к родителям?

— К любому пойдешь, они обязательно что-нибудь стараются в руки тебе дать, мол, возьми, так от нас не уходи, приходи еще. Ребенка, там, придешь поругаешь, что, мол, так-так и все — ты его бей, ты его воспитывай, мы тебе его отдали. Придешь к этим

детям — ну, куда от них требовать... Сарай в подвале. Там бараны, и между баранами они лежат, эти дети. Как... Ни света, ну, ничего нету. И дети эти еще учились! (Н.Н., русская, 1930 г.р.).

Сегодня она вспоминает об арчинцах тепло, и арчинцы помнят о ней только хорошее. Мы неоднократно записывали восторженные воспоминания о ней и о других русских учительницах: «Вот такая замечательная учительница, вместо мать нам была...» (Дж., арчинец, 1940 г.р.), «Очень хорошая была женщина, любимая учительница, таких учителей, наверно, нету. Редкая она такая была» (П., арчинка, 1946 г.р.). В то же время из интервью с Н.Н. становится очевидным, что дружеских отношений с арчинцами на протяжении этого долгого срока так и не сложилось:

— А какие-то были у вас подружки, с кем у вас отношения были близкие?

— Конечно. Конечно, были. Вот жены учителей были всегда, я дружила.

— А жены учителей — это были не арчинки же, да, наверное?

— Арчибцы кто там... эти... Уборщица была Марьям. У нее дочь сейчас учительница. Она мне и помогала, если что-нибудь там мне некогда, или детей моих посмотрит, помогали мне. Были у меня... еще... Жари... Жанат была тоже уборщица. Вот я с этими уборщицами очень дружила. К любой женщине я подойду, что-то мне надо — мне всегда сделают. Сделают все.

Важно отметить, что отношения русских учительниц с аварцами и лакцами были, по-видимому, несколько иные. Коллеги по школе, они принадлежали к одному социальному кругу. По рассказам, многие русские учительницы в Дагестане выходили замуж за местных мужчин. Однако в Арчибе ни одного такого союза заключено не было: русские учительницы выходили за аварцев и лакцев.

— А вот русские, которые здесь были, это женщины только были, да? А к ним как относились?

— Тоже уважали женщин. Уважали. Ну, вы извините, жизнь есть жизнь, молодые девушки, любовные романы бывали. Любовные романы бывали, но из Арчиба никто не женился. В Читтабе, рядом село, двое-трое женились на русских девушках, которые сюда приехали. Из Шалиба здесь директор работал — женился. А наши, например, ну, чабаны как-никак, русский язык не знают и так далее, такого общения, такого не было (К.К., арчинец, 1951 г.р.).

Русские учительницы вызывали у местного населения смешанные чувства. С одной стороны, их манера одеваться и вести себя могла стать причиной негодования, особенно среди стариков. Об этом рассказывает учительница Н.Н.:

— А вы как ходили там? Ну, платок не носили?

— Вот я говорю, что мне повезло то, что я была черная. У меня волос черный был, прямо как вот сейчас у вас, вот такой у меня черный волос был. И меня они уважали, потому что я черная. А вот со мной были такие, со светлыми волосами. И вот как они идут, так старики: «Тьфу! Тьфу!» Без колго... ну, колготки тогда были или не

были, я уже не помню. Тьфу, говорит, идет, волосы распустила и все такое...

— А вы платков не носили, русские, да?

— Не носила, нет, нет... Вот это... Ну, у меня был платок... Когда я уже замуж вышла, у меня платки появились, а тогда платков не было.

С одной стороны, моральный облик русских женщин вызывал сомнения, с другой стороны, они были представителями той социальной среды, которая обладала властью и соответственно более высоким социальным статусом.

— Ну, а что... вот вы были женщины, а аварские учителя же все были мужчины. Это их не смущало, что вот женщины? Они к вам с уважением относились?

— Русским разрешалось. Они считали, что это русские такие-сякие, первое время так к нам относились.

— Как?

— Ну, как к плохим.

Дочь Н.Н.:

— Да ну, всегда с уважением относились.

— Ну, я знаю, что на меня не смотрели, а на других они смотрели хуже. Я знаю это. А потом поняли, что мы не хуже них, все (Н.Н., русская, 1930 г.р.).

Вот оценка арчинца:

— А как вообще относилось местное население к тому, что женщина вот учитель? Это ведь было не очень обычно в те годы.

— Конечно, необычно. Ну — уважали. Это было диковинка, но вместе с тем и уважали (К.К., арчинец, 1951 г.р.).

Русские женщины, таким образом, были выведены из того поля, к которому применялись стандартные социальные оценки. Так же как сегодня в Арчибе приезжих русских женщин приглашают за стол вместе с мужчинами (арчинские женщины с мужчинами за столом не сидят, во всяком случае при посторонних), так и в 1950-е годы русские учительницы получили особый статус.

— А вот в Арчибе, если вы в гости заходили там, вы с мужчинами сидели за столом или с женщинами?

— С мужчинами. С мужчинами. Женщины не садились.

— А вот вас сажали с мужчинами?

— Я с мужчинами сидела. С мужчинами. Там же когда свадьбы идут, женщины отдельно сидят, мужчины... (Н.Н., русская, 1930 г.р.).

Н.Н. рассказывает, как при ее появлении местные мужчины вставали — это знак уважения, который оказывают гостям, приехавшим из других селений¹:

— Ну, не знаю, стоит мне зайти в комнату — все поднимутся. Все встанут.

— Это когда вы были моложе?

¹ Сегодня, когда мы входим в дом наших знакомых арчинцев, встает только хозяйка.

- *И сейчас тоже.*
- *Это в Арчибе?*
- *В Арчибе.*
- *Это просто отношение к русским учителям, мне кажется.*

Дочь Н.Н.:

- *Это отношение к моему папе и к моей маме.*
- *Мне кажется, если арчинская женщина войдет, они вставать не будут.*
- *Не будут, да, но нас они уважали.*

Итак, если основное влияние на самооценку арчинцев оказали аварские и лакские учителя, то русские учительницы, по-видимому, произвели культурное впечатление другого рода: они привезли в Арчиб новый образ женщины.

Назовем два наиболее существенных изменения, произошедших в жизни арчинских женщин в 1960–1970-е годы: изменение в отношении к образованию, сначала школьному, а затем высшему, и отход от традиционного типа одежды.

4.2. Инновации в жизни женщины

Не стоит забывать, что в Арчибе тех лет жизнь женщины было жестко ограничена домом и хозяйством. По многочисленным свидетельствам, до середины 1950-х годов девочек старались не пускать даже в школу. Г., арчинка, 1938 г.р., отучившаяся положенные 7 лет, говорит, что в ее выпуске были только 3 девочки. Русская учительница Н.Н., которая начала работать в арчинской школе в 1950 г., вспоминает о том, что в начале ее пребывания в Арчибе девочки почти не учились:

4.2.1. Женщины и образование

— *Они ходили в школу, у них просто не было времени учиться, потому что дома нагружались... Сами хлеб пекли, сами это все, мама в колхозе работает, а всю домашнюю работу, и дети [младшие братья и сестры], все было...*

— *Но в школу обязательно ходили все?*

— *Ходили, ходили. Список был, записаны они были, но ходили через день, когда как, когда раз в месяц, два раза в месяц придут. Это девочки. А мальчики ходили. Правда, один прямо по снегу босиком ходил, но старался ходить.*

Нужно сказать, что посещение школы в те годы носило принудительный характер. В селении существовала система штрафов за прогулы. Если ученик пропускал школу без уважительной причины, в его дом приходил сотрудник администрации и забирал любую ценную вещь (денег у населения фактически не было) — как правило, предмет домашней утвари: кастрюлю, блюдо, кувшин.

— *Вот, примерно, администратор в то время, если ты опаздываешь или если школу не придешь, из дома забрал что-нибудь хорошее, вещи.*

— *Штрафовали?*

— *И штрафовали, вот такие вещи делали.*

— *Что, прямо приходил в дом?*

— У нее мать был, это, строгий, она без никаких разговоров, что видел хорошее — чайник? да, чайник забрали, значит, чтобы там... значит, на урок, это взяли, значит...

— Не поняла, у кого мать строгая была?

— Моя, моя, моя. Моя мать.

— И что, она забирала?

— Да. Она при администрации работала как бы милиционером.

— А-а, ваша мать работала при администрации! И она ходила в дома, да, и штрафовала.

— В дома ходила, кто сегодня в школу не пришел, там отметила директор, сразу давал администрации. Потом завтра утром встает моя мама, у каждого... кто у кого... (Г., арчинец, 1941 г.р., и Г., арчинка, 1938 г.р.).

Однако даже система штрафов не могла заставить арчинцев отдать в школу девочку. Учились, по словам Н.Н., дочери из «культурных» арчинских семей, т.е. таких, которые дальше продвинулись на пути отхода от традиционного образа жизни:

— Ну, тоже у нее семья считалась культурная. Тогда ее мама была председателем сельсовета. Она ходила... ездила на лошади — женщина. Там не ездят женщины на лошади, не ездили. И ходила в платке. Это считалась уже культурная семья. Ну, вот культурные семьи, девочки учились. А так — нет. Мальчикам не запрещали. Не запрещали, мальчики учились. А девочки уже потом, потом стали учиться, наверно... Ну, после... когда?

Дочь Н.Н.:

— Уже когда я училась, уже было много было девочек.

— Уже много девочек было, это было, наверно, в пятьдесят... уже шестидесятом году. Пятьдесят восьмом... Тогда девочки стали.

Арчинцы, не отдававшие своих дочерей в школу, избегали штрафов за прогулы, мотивируя свое поведение тем, что девочка не способна учиться по причине слабоумия.

— А за девочек не штрафовали, что ли?

— Нет, вот эти девочки как больные, психбольные бывают, вот такие, которые память плохая, дебилные бывают такие девочки. Вот жаловались на это...

— А-а, говорили, что больная, да?

— Русский же не знают, аварский не понимают, русский не понимают, это тупые — зачем? (П., арчинка, 1971 г.р.).

К концу 1950-х годов, по-видимому, это сопротивление удалось в целом преодолеть, и девочки стали получать школьное образование более регулярно. Следующим этапом было получение среднего специального и высшего образования. Первые две арчинки, получившие высшее образование, были 1946 и 1951 г.р., причем младшая поехала учиться первой. Ее отец был первым арчинским учителем (тем самым, который получил образование на курсах и работал в младших классах до тех пор, пока не появились более образованные односельчане). Тем не менее ей пришлось преодолеть сопротивление родителей, причем ее мать была про-

тив до конца. По свидетельству односельчан, ее поступок вызвал резкое осуждение в ауле: *«Какой позор, как ее позорили, как о ней разговаривали, что она учиться пошла! И такой сильный тоже позор сделали. Ну, как-нибудь, она довела это»* (Г., арчинка, 1938 г.р.). Девушке пришлось приехать в село и сыграть свадьбу в те несколько дней, которые оставались между поступлением в вуз и началом учебы, чтобы доказать селению свою «чистоту». Мать другой девушки, отправившейся учиться в вуз Махачкалы, «культурная» женщина, хотела, чтобы ее дочь получила образование, однако, боясь осуждения односельчан, схитрила: выдала дочь замуж, чтобы в город она уехала уже замужней женщиной — это должно было спасти ее репутацию.

— *Я не поехала, потому что тогда я... замуж выходила, мама не хотела меня одну отпускать. Там разговоры бывали всякие, Арчиб был очень дикое место, поэтому мама сначала замуж выдала меня, потом учиться отправила. Чтобы мужа иметь.*

— *А муж здесь остался?*

— *Муж здесь остался. Я учиться поехала* (П., арчинка, 1946 г.р.).

По утверждению самой П., основным стимулом, повлиявшим на ее желание учиться в университете, было восхищение перед русской учительницей Н.Н.: *«У меня была учительница из Воронежа, женщина. Честно говоря, наверно, я выбрала эту профессию благодаря этой учительнице, и я все время подражала ее. Сама думала, что она — я. Я хотела ее уроки... ну, чтоб вот как она уроки давать, как она ходить, как она разговаривать учащимися, очень хорошая была женщина, любимая учительница...»*

Русские учительницы, таким образом, создали в Арчибе новую модель поведения женщины — образованной, работающей, обучающей других.

Э. (арчинка, 1949 г.р.), получившая в те же годы среднее специальное образование в Буйнакске, объясняет, что родители отпустили ее учиться, сочтя неспособной к сельской работе:

— *Это вы сами захотели учиться? Или родители захотели, чтобы вы пошли учиться?*

— *Ну, мы тоже... родители тоже... Смотри, я слабая была, поэтому родители решили, что лучше образование дать, чем в колхозе работать. Поэтому. Иначе, если бы я здоровая была... Конечно... тогда же учиться пойти в город, это же не положено было. Не по традиции. Не по шариату. А мои родители верующие же.*

Помимо присутствия в селении русских учительниц влияние, по-видимому, оказывала и агитация со стороны районной и школьной администрации. Как рассказывают Г., арчинка, 1938 г.р., и ее муж Г., арчинец, 1941 г.р., директора школы и завучи уговаривали девочек ехать учиться в город:

— *Я учиться поступила. Это Гунибе было раньше. В пятьдесят четвертом году окончила я семилетку, и нас, значит, три девочка были. Вместе в педучилище поступать отправляли. Поступила я и грамоту тоже получил, поступил, ихний дедушка не пустил.*

— Там девчата, чтобы учились, позор был. Тем более там в городе ходить, туда-сюда...

— Город тоже не был, это рядом Гуниб было это. В Гунибском районе было педучилище.

— А вот вы поехали сдавать, вас кто-то уговаривал? Учителя, например, уговаривали вас идти учиться?

— Да... Сколько — целый... до конца декабря тоже меня всегда вызывали сюда. Когда приедет, когда приедет, отчего оставили, зачем?

Многие рассказывают о том, что вступительные экзамены в училище можно было сдать в райцентре, где специально для горянок организовывались приемные комиссии.

— Принимали тоже... не в Буйнакск мы ездили, там в Цурибе районе, туда приехала комиссия, и там же нас принимали.

— А вот в школе вас как-то уговаривали получать образование дальше или нет?

— Тогда работал директором касратинский. Из Касрада. Касрада — знаешь село? Он нас уговаривал.

— Уговаривал?

— Агитировал, да. Мы в восьмом классе учились, у нас трое девочек было. И все три туда пошли сдавать экзамены в Цуриб. Все сда... И мы с П. поехали, а другую не пустили. Она тоже поступила...

— Родители не пустили.

— Родители не пустили, да. Она сейчас тоже говорит, вот, говорит, отец не пустил меня, он боялся, чтобы меня не похытили (Э., арчинка, 1949 г.р.).

4.2.2. Традиционная женская одежда

По свидетельству участников экспедиции МГУ, побывавшей в Арчибе в 1971 г., в то время арчинские женщины поголовно носили традиционную одежду, так называемые чухту¹ и каз². Сегодня чухту и каз носят почти исключительно пожилые женщины. Когда и почему арчинки отказались от своей национальной одежды? Основным фактором, повлиявшим на этот процесс, также является система образования.

Г., 1938 г.р., носит чухту и каз и говорит, что никто из ее ровесниц от этой одежды не отказался. Напомним, что это — поколение, в котором девочки в школе почти не учились и еще никто не получил образование выше среднего. Между тем учительница аварского языка П., арчинка, 1946 г.р., носит только платок — головной убор, пришедший на смену чухту и казу в Арчибе. По ее утверждению, она перестала носить чухту и каз, когда поехала учиться в Махачкалу:

¹ Распространенный когда-то в Дагестане головной убор; более принят русский вариант этого слова чухта (см., например, Словарь этнографических терминов — <http://www.cbook.ru/peoples/terms/index8.shtml>). Фотографию можно посмотреть на сайте электронного словаря арчинского языка <http://www.smg.surrey.ac.uk/Archi/Linguists/lexeme.aspx?LE=341>.

² Арчинская национальная женская одежда — большой головной платок (см. фотографию <http://www.smg.surrey.ac.uk/Archi/Linguists/lexeme.aspx?LE=1721>).

— Когда вы чухту и каз перестали носить?

— Я перестала носить, когда учиться поехала. По учебе, по культуре, так по развитию, постепенно, постепенно, постепенно, стали сначала маленькие не стали носить чухту, потом старшим тоже понравилось всем платок вот, чем это чухту привязать. Это же знаешь как трудно! [...] Видишь, легко же вот так косынку носить. Ну, эта форма сама по себе красивая, но очень трудная форма. Трудная форма. Для здоровья тоже. Я, например, если мне скажут сейчас чухту одень, я ни за что не смогу. Меня здесь давит. Уже я не привыкла. Отвыкла, я не могу. Уши закрываются — тебя так не слышно было бы мне.

Движение против чухту и казов, однако, началось еще в средней школе. В конце 1950-х годов, когда девочки начали регулярно посещать школу, в арчинской школе стали вводить запрет на ношение традиционной одежды. Об этом рассказывают арчинки 1949–1955 г.р.

— Скажите, когда вот вы перестали носить национальную одежду?

— Как поступила... Нет, в старших классах. В старших классах. В седьмом-восьмом классе. Это по закону... Закон действовал у нас — нельзя носить нашу форму. Даже вот учителя насильно снимали чухту, каз, когда учились... (Э., арчинка, 1949 г.р.).

Видимо, школа начала запрещать традиционную одежду тогда, когда добилась успеха на пути к принуждению родителей отдавать на учебу девочек. В конце 1950-х — начале 1960-х годов девочки стали ходить в школу, в этот момент и началось давление на них с целью искоренить традиционные головные уборы. Приехавшая в 1950 г. Н.Н. рассказывает историю, свидетельствующую о еще мягком отношении к чухту и казу:

— И вот я помню, первые уроки я веду, сидят это мои взрослые мальчики все, девочки сидят, и одна заскакывает, не стучит, ничего, открывает дверь, и заскакывает, у нее юбка, вот мои мужчины, не обижайтесь, эта юбка вот так поднята и вот сюда за...

— А штаны?

— Вот штаны, и вот эта повязка, голова замотана, юбка так... И я говорю, слушай, ты хоть юбку опусти, разве, говорю, так можно ходить, ты же девушка, зачем ты, а один встает и говорит: «Н.Н., разве так можно? Это наши обычаи такие». Ну, все. Я тогда замолчала. Я говорю, тогда говорю, учите меня своим обычаям.

Она же, однако, вспоминает о том, как был введен запрет на «обычаи»:

— А это когда, в какое время запрещали? Когда вы приехали, уже запрещали?

— Нет, тогда мы еще свой характер не показывали, мы привыкали к ним, еще делали так, как они хотят...

В течение долгого времени арчинские девочки ходили в школе в платках, но переодевались в чухту и каз, когда приходили домой.

— В школу не носили, в школу не носили, дома, конечно, носили... Переодевались... Иногда переодевались, когда вот лень — не

переодевалась. Обязательно носили дома... И летом всегда носила. Даже когда я приехала из города на каникулы, когда я поступила... когда училась... тогда тоже носила. Даже когда я замужем была, когда работала, тоже летом носила я (Э., арчинка, 1949 г.р.).

Последний рассказ ярко иллюстрирует четкое разграничение жизни в селе на традиционную и инновационную зоны: дом — зона традиции, школа — зона инноваций; лето, сельские работы — время традиции; учебное время года, учеба — время инновации. Интересно, что та же Э. говорит, что вернется к традиционной одежде, когда покинет «инновационную зону»: уйдет на пенсию и перестанет работать в школе:

— *Я даже вот им [дочерям] говорю, что, когда сяду на пенсию, уже перестану работать, сошью себе и чухту, и каз, и платье, все и буду носить свою форму. Вот просто мне красиво кажется, когда в своей форме женщины.*

— *А почему сейчас нельзя вам надеть это все?*

— *Куда, в школу, что ли? Вот сколько женщин перестали уже, вот в косынках...*

Дочь Э.:

— *Даже которые не работают в школе, они не носят, все перестали, и старые которые перестали носить... Даже вот женщины в возрасте уже они тоже перестали... сняли форму.*

— *То есть если вы в школу пойдете, то смеяться будут?*

— *Конечно, смеяться будут.*

Несмотря на обещания Э., чухту и каз сегодня явно не имеют будущего. Очередные инновации в женской одежде — замена большого, толстого платка легкой косынкой (Э.: «*А вот в городе платок не носила я, конечно, косынку носила*»), а в редких случаях и вовсе непокрытая голова. Последнее, впрочем, возможно только среди девочек школьного возраста, либо живущих в Махачкале и приезжающих в Арчиб на лето, либо дочерей чрезвычайно либеральных родителей (о таких мы слышали, но лично с ними не встречались).

Имеется одно изменение в обратном направлении — от инноваций к традициям. Школьные учительницы в наши дни ведут уроки в платках, а в советские времена наиболее «прогрессивные» работали без платков.

— *А из учительниц кто-нибудь есть, кто без платка ходит?*

— *Не-е-ет, не-е-еет... Это как уже... как сказать... Разрешение на религию уже. Закон. Вот после этого уже начали. До этого, может, там на уроках бывали, уроки вели без платков иные учительницы. После того как уже все преобразовывалось, не ходят... Не работают... Даже девочкам тоже не говорим, чтобы они платки снимали (Э., арчинка, 1949 г.р.).*

Ярко демонстрируют эту тенденцию официальные фотографии классов: в начале 1990-х годов девочки фотографировались с непокрытыми головами, в конце 1990-х на фото все старшеклассницы в платках.

Тем не менее отмеченное выше разграничение жизни на сферы традиций и инноваций сохраняется и сегодня. В рассказе доче-

ри Э., получающей образование в Махачкале и приезжающей в Арчиб на каникулы, лето выступает как время традиционной одежды, учебное время года — как время инноваций.

— *Вы никогда не были у нас, когда... в сентябре, да?*

— *В школе у нас как в городе.*

— *Да, как в городе. И прически, и все-все, и красятся, все делают девочки в старших классах. Десятых-одиннадцатых классов. Даже в девярых классах.*

— *Но в платках они ведь ходят?*

— *И без платков ходят они иногда, когда теплые месяцы — в сентябре, в мае.*

— *Вот сейчас-то все в платках ваши девочки.*

— *Ну, сейчас-то лето, сейчас в школу же никуда ж не надо, сейчас будут удивляться, на работу куда пойдём без платков, куда мы пойдём. А когда работы, ничего не бывает, в сентябре же как... и переодеваются... У нас, например, когда летом приезжаем [из Махачкалы в Арчиб, к родителям], у нас обычная наша форма, как домашняя форма. А когда в школу ходим, у нас другая бывает, переодеваемся же мы. Вот так.*

— *А что вы переодеваете, у вас же формы нету школьной?*

— *Формы нету, но новые вещи же бывают, в старых вещах же мы не пойдём туда.*

— *И вот, например, я им не разрешаю, чтобы они без платка туда в школу ходили.*

— *Даже не то что в школе, мы все там [в Махачкале] учимся, даже там нам не разрешает мама без платков, например в Махачкале даже (Т., арчинка, 1988 г.р., и ее мать Э., арчинка, 1949 г.р.).*

Таким образом, отход от традиционной одежды происходил в несколько этапов. На первом этапе повлияла средняя школа, которая стала требовать от учениц ношения на уроках платков вместо чухты и казов. Результатом явился такой период в жизни арчинских школьниц, когда они меняли одежду в зависимости от того, где находились. Следующим этапом стало получение высшего и среднего специального образования вне Арчиба. В 1967–1968 гг. первые женщины начали уезжать на учебу из аула, они, видимо, и положили начало отказу от традиционной одежды. Привыкшие к платку в городе, возвращаясь, они первое время переодевались в чухту и каз, но вскоре делать это перестали. Видимо, в середине 1970-х годов в Арчибе появились первые молодые женщины, носившие платки постоянно, это были первые арчинские учительницы. На своих дочерей чухту и каз они уже не надевали. Сегодня в Арчибе еще есть женщины, которые носят чухту и каз. В основном это не получившие образования женщины старше 60 лет, однако есть и более молодые.

Школа оказывала сильное влияние на арчинцев еще в одном направлении: она боролась с религией. По всеобщему признанию (как самих арчинцев, так и их соседей), в досоветское время Арчиб

5. Школа
и религия

был славен своими арабистами. Выходцем из Арчиба является почитаемый в Дагестане шейх Мама-Дибир. Высокая степень религиозности характерна для арчинцев и сегодня. Советская школа, однако, как и в других регионах, с самого начала стремилась искоренить в Арчибе мусульманские обычаи. Вот свидетельство арчинки, учившейся в школе в 1932–1939 гг.:

— *А когда я училась, говорили, не делайте намаз, не соблюдайте пост, хоть маленьким не говорили, говорили взрослым. Когда старшая сестра молилась, за ними отправляли учителя, не давали молиться* (С., арчинка, 1925 г.р.).

Ценные религиозные рукописи отнимались и сжигались, причем прямое участие в этом принимали школьные учителя.

— Вот который М. был, учитель, тоже он администратор как бы, и вот забирали, говорит, Коран сжигали перед могилами, бабушка рассказывала. Не только Коран был, раньше же люди занимались арабским языком, и художественные книги...

— *Это М. собирал и сжигал?*

— *Ну да, как бы он поручителем был этого порядка.*

— *Откуда мы знаем, сжигал он, или продавал, или что сделал* (П., арчинка, 1971 г.р.).

Во время уразы (строгий «сухой» пост, запрещающий не только есть, но и пить воду) в школах детей заставляли пить воду. Об этом рассказывает дочь русской учительницы Н.Н., родившаяся в Арчибе в 1955 г. и проучившаяся в местной школе до шестого класса:

— *А как вот относилась власть к мусульманским их обычаям, традициям? Было что-то, что школьникам не разрешали?*

— *Уразу держать не разрешали, заставляли воду пить. На уроках заставляли нас всех воду пить. Ну, я тоже не держала, конечно, но мне тоже хотелось вместе с ними, как будто и я держу. Я с ними, и я старалась им подражать, наверное.*

— *А как это — заставляли?*

— *Воду пить заставляли, чтобы отпустить уразу.*

— *Вот директор, завуч берет кружку...*

— *Заходили и заставляли...*

— *Когда ураза, они же ничего не кушают абсолютно. А директор, завуч берет воду, кувшин, берет кружку, подходит — и пей, пей, если ты не пьешь, значит...*

Гонителями религии выступали в первую очередь школьная и сельская администрации, до 1980-х годов состоявшие из аварцев и лакцев. Как следует из рассказа Н.Н., некоторые из этих людей сочетали «домашнюю» религиозность с антирелигиозным поведением в качестве администраторов:

— *А сами эти аварцы, которые учили, учителя, они сами не были религиозные?*

— *Были, были. И молились...*

Дочь Н.Н.:

— *Это все делалось втихаря. Дома они молились, а в школу приходили и...*

- А в школу приходили и давали пить детям, да?
- Нет, не учителя давали, а директор и завуч.
- Ну, директор же тоже был, наверное, мусульманином.
- Он делал, что он не этот... он же коммунист был и партийный...

Дочь Н.Н.:

— Они все и молились, и веру... но в школу приходили и говорили, что они коммунисты и так далее.

Есть свидетельства того, что среди аварцев и лакцев в целом уровень религиозности был ниже, чем среди арчинцев. Так, лакец М.М. (1924 г.р.), бывший в разные годы директором и завучем арчинской школы, по утверждению его жены, русской учительницы Н.Н., никогда не считал себя верующим и мусульманских обычаев не соблюдал.

Религиозные традиции в Арчибе были настолько сильны, что полностью прервать их не удалось. Арчинцы утверждают, что всегда продолжали молиться.

— А вот в ваше время, когда вы росли, молились? Вообще какая-то память о мусульманстве была или нет?

— Молились, ты что! Конечно! В детстве молилась я! С детства молюсь и молилась я! Только, только, только в школе этого нельзя было узнать.

— А-а-а, не разрешали...

— Тайно сделали все. Тайно. Так молились все (П., арчинка, 1946 г.р.).

Интересно, что, несмотря на сложные отношения школы с религией, арчинцы, по всем свидетельствам, хотели, чтобы их дети (до некоторого времени — только сыновья) получали образование.

— А как же, вот вы говорите, любили все равно школу. Вот я не понимаю этого... Ведь, с одной стороны, молились люди, да, а в школе...

— Молились и школе учились тоже. Грамотность тоже хотели иметь — и молились. Да (П., арчинка, 1946 г.р.).

Итак, мы определили несколько параметров, по которым школа оказала наиболее осязаемое влияние на арчинскую культуру: удар по этническим ценностям арчинцев (отношение к арчинской идентификации и арчинскому языку), положение женщины (женское образование и традиционная одежда) и религия.

Основной источник влияния определен, это — школа. Какие же категории населения оказались в первую очередь проводниками инноваций? Из многих интервью следует, что мужчины всегда оказывались на пути к инновациям раньше, чем женщины, дети — раньше, чем взрослые.

Так, мужчины первыми стали осваивать язык прогрессивной культуры — русский. Из следующего диалога с русской учительницей Н.Н. хорошо видно, что посредниками между представителями инноваций и традиционной частью общества были дети и мужчины, но не женщины:

6. Проводники инноваций

— А вот когда вы общались просто в деревне там, ну, вот с хозяйкой. Вы как, на каком языке с ними разговаривали?

— Они все равно понимали. Немножечко русский понимали. Как-то дети, мальчик, девочка подбежит и переводит нам все... переводчиком были...

— На русском или на аварском вы с ними разговаривали?

— На русском. На русском. С детьми мы всегда на русском разговаривали.

— Вот так, в селении.

— В селении. И они уже понимали, уже начинали... Ну, взрослые мужчины — они почти все русский язык знали, то в армии кто-то был, кто куда-то на кутаны¹ ездили, они знали русский язык... А женщины правда очень мало знали. А мы через мужчин как-то общались.

Мальчики первыми пошли в школу, первыми поехали получать образование в города. Первые мальчики уехали из Арчиба учиться в город в 1956–1957 гг., первые девочки — на десять лет позже. В 1966 г. начинает работать в школе первый арчинский учитель с высшим образованием, первая женщина — в 1973 г.

Раньше, чем женщины, мужчины встали на путь инноваций в одежде. Есть свидетельства того, что школа сыграла свою роль и в этом отношении тоже. Русская учительница Н.Н. на второй год своего пребывания в Арчибе вышла замуж за тогдашнего директора арчинской школы, лакца М.М. Она вспоминает, что через своего мужа оказала влияние на манеру одеваться учителей-мужчин:

— А как к вам учителя относились, когда вы приехали? Аварские, например, учителя?

— Ну, они рады были, что мы приехали. Культуру нам привезли. Вы нам галстучки повесили, вы нам шапки дали... Имеется в виду, что одели. Заставили что их одевать. Они рады были.

— Вы их заставляли одевать?

— Ну, как-то мы одевались... вот я своего мужа одела по-другому, и вот как-то они стали смотреть на нас, и им понравилось. Ну, мужчины, я говорю, они на кутаны ездили, они в Махачкалу ездили, они видели все это, и они уже одеваться стали. А старики вот эти шубы, вот это все, они так и ходили.

Похоже, что если для мужчин существовали, помимо школы, и другие источники инноваций — они ездили на кутаны, уходили на заработки в соседний Азербайджан, ездили в Махачкалу, — то для женщин школа стала практически единственным источником разрушения традиционного образа жизни.

6.1. Школа и традиция: конфликт или лояльность?

Подводя некоторый итог, хотелось бы определить отношение арчинцев, прошедших школу в 1930–1960-е годы, к учебе и к учителям. Арчинцы единодушно отзываются о «старых учителях» как об учителях исключительно добросовестных, образованных и ответственных. Их неизменно положительные отзывы о приезжих учите-

¹ Зимние пастбища на равнине.

лях, пожалуй, звучат теплее, когда речь идет о русских учительницах. Возможно, играет роль и то, что они мягче относились к арчинским детям, и то, что не участвовали в борьбе за власть: русские учителя не становились завучами, не входили в администрацию, и, значит, от них исходило меньше опасности.

Ответ на вопрос о том, хотели ли арчинцы учиться, всегда однозначный: безусловно, хотели. Так говорят и сами арчинцы, и учителя, например русская учительница Н.Н.:

— *А охотно в школу шли дети или не хотели их отпускать?*

— *Нет, охотно, охотно шли. Хотели, они хотели учиться. Хотели учиться. И учились они очень хорошо. Очень хорошо. Учились они хорошо.*

Понять, как разрешался несомненный конфликт между школой и традиционным образом жизни (религиозностью, положением женщины, традиционной одеждой), помогает следующий комментарий:

— *А вот... вот чего я еще не понимаю. Вот школа, да. Советская же была школа.*

— *Так, советская.*

— *А как люди к этому относились? Ну, раньше же мусульманское образование было, арабское.*

— *Очень хорошо относились.*

— *Вот как... Пришли в общем-то чужие люди...*

— *Нина, всех людей, которые против революции были, против советской власти были, посадили же. Посадили. Кого отправили туда — Киргизстан кого. Кто остался здесь? Бедняки остались. Они рады были этому (П., арчинка, 1946 г.р.).*

О пережитых репрессиях говорит и К.К., хотя вообще, нужно сказать, эта тема почти никогда не всплывает в разговорах о прошлом:

— *...Так что наши люди еще в темноте были. Хоть и в темноте, эти репрессии тридцать шестых — тридцать седьмых годов, кулачество — все это сюда тоже зашло, и поэтому боялись говорить с чужим человеком. Сейчас любой колхозник, любой житель встанет и скажет прямо в лицо и главе районной администрации, и нашему главе, и другому.*

Сегодня трудно сказать, явилась ли лояльность арчинцев к школе, а тем самым к интенсивному влиянию со стороны внешнего мира на традиционную культуру, результатом сломленного сопротивления (как это следует из ответа П.) или же арчинцы просто включились в общее движение к инновациям.

Очевидно следующее: арчинцы оказались на пути к ассимиляции и утрате традиционного образа жизни значительно позже, чем окружающие их этносы. В этом отношении показательна история лакского селения Шалиб. Близкие соседи арчинцев (около двух часов пешего хода), шалибцы тоже находятся в некоторой изоляции, так как ближайшие лакские селения расположены через перевал. Тем

не менее важным отличием шалибцев от арчинцев является их принадлежность к крупной дагестанской нации (около 90 тыс. человек) и владение письменным литературным языком.

История Шалиба и Арчиба имеет разительные несходства. В те времена, когда арчинцы только осваивали школьное образование, среди шалибцев были уже мужчины, закончившие вузы. В 1930–1960-е годы многие шалибцы были директорами и завучами школ района, притом что арчинцы еще даже не вырастили собственных учителей. По общему признанию, Шалиб был одним из самых крупных и развитых селений района. Ниже цитируется шалибец, однако сходные оценки мы слышали и от аварцев, и от арчинцев:

— В этом районе даже грамотнее в первую очередь были шалибцы... Первый заврону района был шалибский. Первый секретарь райисполкома был шалибский. Первый мастер... там создавались предприятия, да, мануфактуры по ремонту чего-то, были шалибцы. Там первая средняя школа была в Тляреше, в районе первая средняя школа была там, директор этой школы был шалибский. В Ирибе потом открыли школу — там был директором шалибский, в Дусрахе был директором шалибский, в Арчибе директором был М. покойный шалибский, в Магаре директор был шалибский. Тогда вот, в те годы, в послевоенные годы, в основном во всем районе самые грамотные люди, которые учили других, это были шалибские. История это, от истории никуда не уйдешь. А сейчас, к сожалению, наоборот, у нас упадок пошел, у других идет прогресс (М., лакец, 1967 г.р.).

Показательна фигура шалибца М.М., отказавшегося от всех традиционных установок: религии, материнского языка, женитьбы на «своих».

6.3. Фигура инноватора

Русская учительница Н.Н., прожившая большую часть своей жизни в Дагестане — 16 лет в Арчибе, затем в Буйнакске, — бывшая замужем за лакцем и родившая в Дагестане троих детей, не освоила ни одного дагестанского языка не только потому, что «не интересовалась», но и потому, что этого не хотел ее муж. Из интервью с ней и с ее детьми следует, что ее муж, лакец из Шалиба М.М. (1924 г.р.), фронтовик, уважаемый в районе человек, который в разное время занимал в арчинской школе должности завуча и директора школы, не только не требовал от жены знания местных языков, но, напротив, препятствовал овладению этими языками.

— То есть вы так до конца и не говорили.

— Нет.

Дочь Н.Н.:

— Ну, мама, наверное, заговорила бы, но папа виноват, что она...

— Он смеялся, вот когда я начну что-то говорить, он смеялся: «Зачем тебе это нужно?»

Дочь Н.Н.:

— Он смеялся, и она потом перестала...

— Мне как-то неудобно стало, я не стала это. У него отец знал русский язык, и брат знал русский язык.

Дочь Н.Н.:

— Сестра знала.

— Сестра тоже. Они все русский язык знали (Н.Н., русская, 1930 г.р.).

Личность М.М. заслуживает особого разговора, поскольку многое в его поведении обнаруживает разительные отличия от того, что мы знаем об арчинцах. Как уже было сказано выше, М.М. был демонстративно нерелигиозен (что для горного Дагестана даже в те годы было редкостью).

— А ваш муж — он был религиозным человеком?

— Нет.

— Не был, да.

Дочь Н.Н.:

— Он говорил, я могу доказать, что есть бог, и могу доказать наоборот, что бога нет.

Сын Н.Н.:

— Философ.

М.М. взял в жены русскую женщину (напомним, что среди арчинцев ни одного такого брака не было) и, по ее утверждениям, никогда не пытался ее «дагестанизировать»:

— Никакого давления на меня не было. На многих женщин, вот которые замуж вышли, русские, их заставили эту чахту эту одеть, и это — кувшин на плечи, носили они и воду в кувшинах, и все делали.

— А вы носили в ведрах?

— У меня ведро было, а потом когда эта [дочь] подросла, я вообще за водой не ходила. Так что меня не заставляли... И штаны ихние не заставляли меня носить, ничего на меня не действовали ничем.

Все трое детей М.М. и Н.Н., рожденные в Арчибе, получили русские имена: «Имена у детей моих русские, мне никто не запрещал ничего».

Одним словом, создается впечатление, что М.М. стремился к русификации и не пытался сохранить родительскую этническую идентификацию ни для себя, ни для своих детей. Дети М.М. и Н.Н., рассказывает их дочь, говорили дома по-русски и на улице по-арчински, а лакский освоили позднее, общаясь с родственниками отца:

— То есть вы с детства по-арчински говорили или как?

— Да, я с детства говорила. И брат говорил с детства.

— От кого вы научились?

— Я не знаю, от кого... Во дворе.

— А с отцом на каком языке?

— На русском.

— Дома — только на русском?

— Я лакский сначала не знала. Аварский знала и арчибский. И когда я ездила в село в Шалиб, я там с тетями говорила на

аварском, потому что я лакский не знала. А потом научилась лакскому...

— То есть он вообще-то не хотел, чтобы лакский знали его дети?

— Не то что не хотел, у нас... Особо — русский общий язык был, и как-то он никогда... их не заставлял... И сам он не говорил на лакском. Он на русском, и когда аварцы к нему в гости приходили — он на аварском.

Семья М.М., будучи, по-видимому, традиционного уклада, при этом не пыталась оказывать влияние на его поведение, в частности приняла женитьбу на русской.

— А почему такой он был у вас... А его родители какие были?

— Ну, они молились.

— Молились, ну как-то они на нас не действовали ничем. Не заставляли — ты молись, ты не молись, ты что-то... Ничего никогда. Ну, матери у него не было. Может, если бы мать была, и было бы это. А отец у него часто был в этом, в Азербайджане. Тоже там почти все время жил. Так что вот...

В последнем фрагменте беседы хотелось бы отметить упоминание матери, которая, если бы была жива, возможно, стремилась бы влиять на сохранение сыном традиций. Мы вновь сталкиваемся с представлением о женщине как о хранительнице традиционного образа жизни.

7. Инновации и выживание этнического сообщества

Интересно продолжение этой истории. На сегодняшний день Шалиб является фактически вымирающим селением. Из трехсот хозяйств в Шалибе осталось всего 50, население в основном составляют пожилые люди. В упадке находится и шалибская школа: здесь не хватает собственных учителей, детям преподают аварцы и арчинцы.

Между тем Арчиб, напротив, по многим признакам в наши дни является одним из самых процветающих селений. Его население значительно выросло (около 300 хозяйств), а миграция в город до сих пор невысока. В начале 1970-х годов в арчинской школе стали работать местные учителя, в 1980 г. директором стал арчинец, а к концу 1990-х годов в школе не осталось ни одного неарчинского учителя. Арчинцы активно получают высшее и среднее специальное образование, причем сегодня это считается необходимым не только для мальчиков, но и для девочек. Арчинцам, имеющим диплом о высшем образовании, не хватает рабочих мест в собственной школе, и они работают в школах соседних сел. По свидетельству К.К., шалибцы этим очень недовольны:

— А наши вот в Шалибе сейчас работают, один работал, потом двое, потом трое, это уже сейчас, чем остаться без работы, они идут туда работать. А эти шалибцы до того ненавидят — ненавидят чужих людей. Кроме шуток. Очень-очень насчет этого люди такие цепкие. Раньше у них свои директора были, у них свои кадры были, и сейчас чтобы пришел арчибец, учил, или аварец учил ихних, они,

конечно, недолюбливают, недолюбливают, недолюбливают, насчет этого очень они косо смотрят. А у нас так не смотрят. Они уважали. Наши уважали чужих людей. Уважали. Ну, были люди, которые чересчур уважали. Да. Чересчур.

При этом во многих отношениях арчинцы пока остаются значительно более традиционнo ориентированным сообществом, чем шалибцы. Они избегают смешанных браков, предпочитая кросскузенные (браки с двоюродными братьями и сестрами). Они в полной мере сохраняют родной язык, приобретая второй и третий только к концу школы. Между тем шалибцы не имеют никаких ограничений на заключение браков с любыми другими этносами, а русский язык их дети осваивают еще до школы: «*В отличие от других соседей, наверное, наши дети до школы по-русски могут свободно общаться*» (М., лакец, 1967 г.р.).

Что явилось причиной столь стремительного упадка Шалиба? Не вызывает сомнений, что именно открытость шалибского сообщества к инновациям, готовность принимать новый образ жизни и ассимилировать имели своим следствием мощную волну миграции из селения в города.

Итак, консервативность арчинцев, их приверженность традиционному образу жизни в 1930–1970-е годы, замкнутость их культуры сохранили их этничность и позволили в результате «обогнать» более прогрессивных соседей. Остается открытым вопрос о том, что явилось причиной значительно большей консервативности, проявленной арчинцами по сравнению с их соседями. Мы предполагаем, что наиболее важным фактором стал язык, изолировавший арчинцев и препятствовавший интенсивному взаимодействию с народами-инноваторами. Привычка к культурной обособленности (по причине отсутствия «братьев по этносу» вне Арчиба), несомненно, тоже сыграла роль в этом процессе.

Сегодняшняя арчинская школа совсем не похожа на ту, которая так сильно повлияла на арчинское сообщество. Прежде всего, она не оказывает сейчас столь значительного влияния на этнос, как в 1930–1960-е годы.

В конце 1960-х годов была построена дорога, связывающая Арчиб с районным центром Чародинского района — Цурибом, облегчившая коммуникацию Арчиба с внешним миром. С 1980-х годов арчинцы смотрят телевизор (впрочем, до появления спутникового телевидения связь была очень нерегулярной). Большая часть арчинских выпускников и выпускниц уезжают в города получать образование. Школа, тем самым, перестала быть основным источником новых впечатлений, основным проводником инноваций.

С другой стороны, школа и учителя, несомненно, потеряли тот недостижимо высокий статус, которым обладали на протяжении полувека. Это особенно заметно сегодня, когда до Арчиба доползли коррупционные тенденции развития системы дагестанского образования. Молодые арчинские учителя за небольшую мзду имеют возможность купить более высокий учительский разряд, а родите-

ли двоечников отправляются «в район» за аттестатом о среднем образовании. Неудивительно, что арчинцы в один голос говорят о падении уважения к учителям и к школе, о понижении уровня школьного образования.

Сегодняшний Арчиб уже не воспринимается окружающими этносами как отсталый. Консервативность, еще характерная для арчинского сообщества, стремительно утрачивается. Этот процесс наиболее ярко проявляется в наметившейся за последние годы тенденции заключать смешанные браки, что раньше в Арчибе было практически исключено. Значительно усилилось и переселение в город, в Арчибе все чаще встречаются пары немолодых родителей, дети которых постоянно живут в городе. На сегодня, однако, все это еще не оказывает существенного влияния на состояние языка и культуры. Будет ли участь народа, «опоздавшего» на тридцать-сорок лет, сходной с судьбами других дагестанских этносов, или же в изменившейся социально-политической ситуации пути развития будут иными, покажет время.

Литература

---

1. Добрушина Н.Р. Многоязычие в Дагестане, или Зачем человеку три языка // Социологический журнал. 2007. № 1.
2. Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловяникова И.П., Самедов Д.С. Опыт структурного описания арчинского языка. Т. 1. Лексика. Фонетика. М.: Изд-во Московского ун-та, 1977.
3. Народы Дагестана. М.: Наука, 2002.
4. Сергеева Г.А. Арчинцы. М.: Наука, 1967.
5. Услар П.К. Письмо к А. Шифнеру в приложении к описанию лакского языка // Этнография Кавказа. Языкознание. IV. Тифлис, 1890.
6. Услар П.К. О распространении грамотности между горцами // Сб. сведений о кавказских горцах, издаваемый с соизволения Его императорского высочества Главнокомандующего Кавказскою Армиею при Кавказском горском управлении. Вып. 3. Тифлис, 1870. Переизд.: Кавказские горцы: сб. сведений. М., 1992.